

Всеобщая паранойя. Как изменилось отношение к безопасности в России.

Андрей Солдатов

Главный редактор сайта agentura.ru

*В рамках специального проекта «Итоги-2015» эксперты анализируют ключевые тренды, которые проявились или усилились в России за прошедший год, и объясняют, к каким последствиям это может привести в недалеком будущем. Англоязычные версии текстов будут опубликованы в журнале *Russian politics & law*. Куратором проекта выступает Николай Петров*

Один из главных итогов 2015 года – госбезопасностью в прошлом году занимались не только спецслужбы и силовики, но и чиновники от культуры, связисты и интернет-предприниматели. Причем речь идет именно о государственной безопасности, то есть защите стабильности политического режима от внешних и внутренних угроз.

Интернет как угроза

Стратегия укрощения интернета российскими властями выработывалась долго и мучительно – как минимум с весны 2011 года, когда на фоне «арабской весны» генералы ФСБ стали жаловаться на отсутствие методов контроля зарубежных социальных сетей. Главный принцип на сегодня – ставить под контроль компании, а не пользователей – был выработан еще в 2013 году. Основные тактические решения – от введения интернет-цензуры и расширения возможностей электронной слежки до прямого давления на интернет-компании – принимались в 2012–2014 годах.

Однако совокупный эффект от принятых мер проявился только в 2015-м. И то, что слова «государство должно продвигать свои интересы» в декабре прошлого года на встрече интернет-предпринимателей с президентом произнес не Владимир Путин, а глава частной компании

InfoWatch Наталья Касперская, выглядело уже вполне логично. Так же как и ее просьба к президенту усилить регулирование интернета под тем предлогом, что «свои информационные недра мы спокойно отдаем иностранным компаниям, точнее, они их выкачивают, и нет никакого регламентирующего закона».

Российским интернет-компаниям новые правила игры объясняли почти три года, при прямом участии президента, назвавшего интернет «проектом ЦРУ». Эти правила довольно просты: хочешь работать в России, помоги государству – и прими участие в давлении на иностранные IT-компании (кодовое слово «импортозамещение»). Летом 2014 года Путин лично заявил интернет-предпринимателям, что «спрятаться под корягой не удастся», и к концу 2015 года никто и не пытался прятаться.

Атака со стороны только что назначенного президентским советником интернет-предпринимателя Германа Клименко на Telegram («Телеграм или будет сотрудничать, или будет закрыт») – лучший пример того, как видят роль российского интернет-бизнеса в Кремле.

Между тем кремлевские тактика и стратегия, которые так отлично сработали для укрощения российских интернет-компаний, имеют один существенный недостаток – они годятся только для страны, все еще закрытой для внешнего мира.

Весь 2015 год Кремль старался разрешить это противоречие, весной даже попытавшись проверить, возможно ли отрубить внешний интернет от российского на техническом уровне. В рамках учений Роскомнадзор посылал на диспетчерские пункты крупных операторов связи указания блокировать трафик с зарубежных магистральных каналов. Однако, по данным участвовавшего в учениях предпринимателя, трафик продолжал уходить за границу, причем конкретные маршруты выявить не удалось. Причиной неудачи эксперимента могли быть небольшие интернет-провайдеры, у которых не установлены дорогостоящие системы блокировки. Кроме того, некоторые из них используют спутниковые каналы, неподконтрольные Российскому государству.

Не очень обескураженный неудачей, Кремль одновременно продолжал вести наступление на иностранные интернет-компании с целью «приземлить» их в России, то есть заставить играть по российским правилам. Под предлогом защиты персональных данных россиян от американской электронной слежки российские чиновники – от депутатов и сотрудников администрации президента до руководства Роскомнадзора – пытались заставить глобальные интернет-гиганты перенести свои серверы в Россию. Правда, никто из российских граждан не просил чиновников защитить их персональные данные от могущественной американской спецслужбы АНБ – скорее наоборот, запущенная в декабре петиция с просьбой Facebook, Google и Twitter не переносить данные в России уже собрала более 40 тысяч подписей.

Возмутительная неподконтрольность

На самом деле российских чиновников раздражают не происки АНБ, а то, что Facebook, Google и Twitter установили возмутительный с точки зрения властей способ коммуникации – силовики шлют им запросы на удаление информации из сети и запросы о пользователях, а компании отвечают далеко не на все эти требования. А потом еще и публикуют статистику своих ответов в Transparency Report. Внешний контроль – это совершенно не то, к чему привыкли российские спецслужбы.

Отечественная система перехвата СОРМ (система оперативно-розыскных мероприятий) предполагает установку на сетях и серверах провайдеров устройств, которые дают прямой доступ ФСБ ко всем данным дистанционно – без всякого контроля со стороны операторов, поскольку операторов не ставят в известность о том, кого прослушивают спецслужбы. Как только серверы Facebook и Google окажутся на территории России, они автоматически попадут под требования об установке устройств СОРМ. После этого в графе «Россия» в отчетах этих компаний будет пустота – ФСБ будет снимать информацию с серверов, не ставя в известность компании.

Весь год борьба за перенос серверов шла с переменным успехом: периодически появлялись сообщения о том, что та или иная компания

согласилась разместить свои серверы в российских дата-центрах, однако в большинстве случаев источниками этих новостей были российские чиновники. Международные компании избрали тактику полного молчания – и весь 2015 год воздерживались от публичных заявлений (пожалуй, только Viber прямо заявил о переносе своих серверов в Россию). В конце концов, Кремль к осени попал в двусмысленную ситуацию: хотя закон о переносе данных вступил в силу 1 сентября, накануне чиновники Роскомнадзора поспешили заявить, что не собираются проверять крупнейшие международные компании на предмет выполнения закона до января. И ситуация не стала яснее с наступлением 2016 года.

Неуверенность в том, что выбранный способ давления сработает с иностранными сервисами, лишь увеличилась, когда блокировка популярного торрента Рутрекер привела к взрывному росту пользователей TOR (сеть для анонимного использования интернета) среди россиян. Если до того руководство Роскомнадзора не слишком переживало из-за технической невозможности заблокировать TOR, успокаивая себя небольшим количеством пользователей, умеющих обходить блокировки сайтов, то осенью ситуация изменилась: Россия вышла на второе место в мире по числу пользователей TOR.

Концепция, основанная на пассивности пользователей, стала разваливаться осенью прошлого года. И государство попыталась на ходу изменить стратегию, усилив давление на обычных пользователей – высказывания в соцсетях, за которые в 2014 году давали условные наказания, осенью 2015 года стали приводить к реальным тюремным срокам.

Однако эта общая неуверенность на фоне нарастающего внешнего кризиса, в котором оказалась страна, привела к странному психологическому эффекту – все больше чиновников из несилловых ведомств стали менять тон своих публичных выступлений на конфронтационно-милитаристский.

Этот эффект впервые стал заметен после присоединения Крыма, но полностью проявился в 2015 году: представители Минсвязи и

Роскомнадзор стали говорить об «информационных войнах», участвовать в эмоциональных спорах в соцсетях и показывать все признаки отобилизованного чиновничества. Вместо обычной мантры «мы только выполняем требования закона» теперь чиновники брутальны и не стесняются в выражениях. Следом за ними этот тон взяли и близкие к Кремлю интернет-предприниматели, рассуждающие теперь в терминах всевозможных угроз, что ранее было присуще исключительно силовикам.

Силовики, впрочем, не отставали: секретарь Совбеза Николай Патрушев, бывший глава ФСБ, в августе раскритиковал госслужащих, использующих популярный мессенджер WhatsApp, а также сервисы Google и Yahoo. По его словам, использование госчиновниками ресурсов, расположенных за рубежом, представляет серьезную опасность.

Впрочем, в 2015 году у Федеральной службы безопасности нашлись занятия, кроме интернета.

Шпионы

Военный конфликт в Донбассе определил тактику ФСБ на весь прошлый год. С происками внешнего врага спецслужба боролась привычными методами. В 2015 году число шпионских дел достигло рекордной отметки за последние 10 лет: по официальным данным, в 2015 году за государственную измену и шпионаж только в Москве арестовали двадцать человек.

Причиной новой волны шпиономании в ФСБ стала, по всей видимости, неспособность спецслужбы поставлять оперативную информацию в условиях кризиса, несмотря на постоянно расширяющиеся полномочия. ФСБ не смогла предсказать московские протесты 2011–2012 годов и никак не сумела повлиять на них, так же как впоследствии и на киевские события.

Будучи не в состоянии эффективно реагировать на реальные вызовы, ФСБ всегда отвечала усилением давления по линии контрразведки: после московских протестов спецслужба продавала расширенное толкование

статьи о госизмене. А на украинский кризис ответила волной шпионских дел, во многих из которых Украина так или иначе присутствует.

Возвращение терактов

Когда Кремль вмешался в новый международный конфликт, на этот раз в Сирии, это стало вызовом для всех спецслужб страны – запрещенное на территории России «Исламское государство» немедленно объявило, что Россия теперь является целью для террористов. Взрыв бомбы на борту авиалайнера А321, разбившегося в октябре над Синайским полуостровом, унес жизни 224 человек. Однако новый кризис оказался, как ни странно, скорее на руку ФСБ.

Александр Бортников на протяжении нескольких лет лично делал заявления о числе россиян, уехавших воевать в Сирию, и в 2015 году эта информация сработала на него. В отличие от других российских силовиков директор ФСБ попал только под европейские санкции, но не американские – и в феврале 2015 года он даже поехал по приглашению американцев в Вашингтон обсуждать сотрудничество в борьбе с терроризмом (The New York Times с удивлением писала тогда, что даже директор ФБР на эту встречу не был приглашен).

В этой ситуации взрыв на борту авиалайнера лишь способствовал укреплению позиций ФСБ. Пусть многие россияне и посчитали теракт мезтью за российское вмешательство в сирийский конфликт, а общественное мнение возмутилось отменой полетов на египетские курорты, это никак не повлияло на позиции ФСБ в государстве, где силовики находятся вне гражданского контроля.

Ответственность за теракт взяло одно из подразделений «Исламского государства», Путин пообещал найти террористов в любой точке планеты, а ФСБ пролоббировала получение новых полномочий.

В декабре сотрудники спецслужбы получили право применять оружие, спецсредства и физическую силу в случае крайней необходимости и не нести ответственности за вред, причиненный гражданам и организациям.

Теперь им разрешается стрелять в толпе для предотвращения теракта, освобождения заложников, а также для отражения группового нападения на объекты органов госвласти.

ФСБ также получила право собирать отпечатки пальцев у граждан при пересечении границы, если у спецслужбы есть информация о том, что этих людей можно склонить к террористической деятельности. Закон дает настолько широкую трактовку, что на практике пограничник при желании может подвергнуть дактилоскопированию любого гражданина.

Конфликты силовиков

Весь год в СМИ обсуждался якобы существующий острый конфликт между ФСБ и главой Чечни Рамзаном Кадыровым. Считается, что он возник из-за убийства Бориса Немцова в нескольких сотнях метров от Кремля – возможно, самой яркой иллюстрации того, чем стали путинские спецслужбы к 2015 году: неподконтрольными и неспособными найти заказчиков политического убийства.

Поводом для разговоров о конфликте стал тот факт, что о задержании первых подозреваемых, Заура Дадаева и Анзора Губашева, стало известно из заявления директора ФСБ Александра Бортникова. Так в деле немедленно появился чеченский след, ведущий к чеченским силовикам, и тут же стала очевидна невозможность пройти от исполнителей хотя бы до организаторов, не говоря уже о заказчиках убийства.

Однако есть полное ощущение, что никакого конфликта на самом деле нет. Да, заявление от лица Бортникова было необычным, но на расследовании убийства Немцова весной пытались засветиться все силовики, включая даже главу ФСКН Виктора Иванова (через месяц после Бортникова Иванов заявил, что на самом деле Заур Дадаев был задержан сотрудниками его ведомства).

Между тем схема, при которой исполнителями убийства являются чеченцы, очень удобна для обрубления любых выходов на заказчиков – для

следователей всегда остается возможность закатить глаза и доверительно сказать, что нет никаких возможностей работать дальше из-за трепетного отношения Рамзана Кадырова к своему суверенитету. Именно такая схема впервые была опробована в расследовании убийства журналиста «Новой газеты» Анны Политковской. Похоже, что эта же схема повторяется в деле об убийстве Немцова – следствие даже не пытается делать вид, что собирается установить реальный мотив и заказчика.

Напротив, ФСБ сегодня заинтересована не в конфликте, а в сотрудничестве с Кадыровым – война в Сирии актуализировала проблему российских граждан, воюющих на стороне исламистов. У ФСБ не слишком хорошо получается с вербовкой агентуры среди уехавших. В свою очередь, силовики Кадырова как раз постоянно работали среди живущих в других странах чеченцев и выходцев с Северного Кавказа – западные спецслужбы зачастую были только рады открыть двери лагерей беженцев для кадыровцев, поскольку те обещали вернуть чеченцев на родину.

Язык вражды

В последний день 2015 года Путин подписал указ, которым утвердил обновленную стратегию национальной безопасности (этот документ переписывается раз в шесть лет, последний раз – в 2009 году, при президенте Медведеве).

Главное отличие новой редакции – ее как будто писали под воздействием все того же тренда, требующего теперь от обычно осторожных чиновников брутальности и воинственной риторики. В документе появились такие словосочетания, как «позиция Запада», которая «оказывает негативное влияние на реализацию российских национальных интересов», и «поддержка США и Европейским союзом антиконституционного государственного переворота на Украине».

В этом в целом довольно бесполезном документе, впрочем, все же прозвучало нечто стоящее внимания – это описание угрозы, борьба с которой, видимо, будет определять деятельность ответственных за

госбезопасность в ближайшие годы. Это: «Практика свержения легитимных политических режимов, провоцирования внутригосударственных нестабильности и конфликтов...».

Российским гражданам стоит обратить внимание еще на одно отличие новой редакции от прежней: в редакции 2009 года повышение качества жизни гарантировалось «путем обеспечения личной безопасности». В новой редакции этот пункт исчез.

21.01.2016

Источник:

https://slon.ru/posts/62751?utm_source=slon.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning